

Тринадцатый лад / рассказ

Category: Некаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 21 января, 2025

Тринадцатый лад / рассказ ТРИНАДЦАТЫЙ ЛАД

Светлой памяти Ахмеда Бекмурадова

Мог ли Кор Гожалы представить, что сам, можно сказать, своими собственными ногами придет туда, где жизнь устроит ему испытание, сравнимое разве что с концом света. Приглашение поступило за месяц до праздника. И не с кем-нибудь передал его Аллан-бурун, сам приехал просить, чтобы Кор Гожалы почтил своим присутствием его той. Но разве в этой жизни хоть один шаг делается просто так, без причины?! Аллан-бурун мечтал устроить такой пир, чтобы поразились вся округа. А чего стоит уж одно то, если люди будут говорить: на той Аллана-буруна за тысячу верст прибыл Кор Гожалы – бахши известный и почитаемый всеми туркменами!

И вот назначенный день настал. Оседлав своего гнедого жеребца, Кор Гожалы отправился на той Аллана-буруна. Когда он прискакал туда, его уже ждали многочисленные гости, весь кишлак вышел ему навстречу. Люди радовались празднику, озарившему их безрадостную, беспросветную жизнь.

Восторженная толпа проводила бахши на почетное место, Кор Гожалы усадили на деревянном помосте, что устроили рядом с нарядной белой кибиткой. Люди любовались им, они готовы были носить своего любимца на руках, исполнить всякое его желание. О-о, разве бахши не видит, не чувствует этого?!

Кор Гожалы благодарно кивнул окружавшим его людям, которые не отрываясь следили за этим.

– Сегодня в вашем доме одним мусульманином больше станет, – сказал Кор Гожалы хозяину.

– Мы ждали вас, бахши-ага. – Аллан-бурун был в приподнятом настроении.

– Тогда позовите вашего пальяна.

Некоторое время спустя к бахши подвели смуглого мальчишку лет

семи от роду.

– Саламалейкум! – Мальчик, смущаясь, приблизился к почетному гостю.

– Вaleyкум эссалам! – Бахши смерил мальчика взглядом. – Молодец, ты уже совсем большой.

– Нет... – Малыш нахмурился. – Я еще не стал джигитом. Вот сделают обрезание, тогда буду настоящим мужчиной. Все так говорят.

Кор Гожалы протянул мальчику привезенный в подарок детский дутар. Сказал с улыбкой:

– Когда станешь джигитом, научись играть на нем. – Сын Аллана-буруна кивнул и, принимая подарок, тоже улыбнулся. – Только смотри, не плачь, когда будут джигитом делать.

Мальчик ответил сразу, словно давно уже ждал этих слов.

– Мужчина не должен плакать.

Все вокруг рассмеялись, людей развеселил слишком серьезный тон ребенка. А мальчик – бахши это видел – обиделся: губы его задрожали. Откуда ему было знать, почему взрослые смеются над его словами.

Однако когда гости стали вручать ему свои подарки, он перестал обижаться. С трудом удерживая в руках чудесные дары, довольный ребенок пошел в белую кибитку, где через несколько минут ему предстояло стать настоящим мужчиной.

Стали разносить угощение, и разговоры сами собой затихли. Этого часа давно уже ждали. Слава Аллаху, в селе нашлись мастера вкусно готовить – подняли людям настроение. А когда человек сыт, он уже не может сидеть молча. Гул голосов постепенно стал нарастать. И вытирая жирные пальцы об усы, о голенища сапог-ичиг, люди стали все чаще поглядывать в сторону бахши.

После трапезы сообща произнесли благодарственный «аминь». Потом и Аллану-буруну, и его сынишке, который в это самое время становился настоящим мужчиной, было сказано немало добрых пожеланий. Лишь после этого хозяин дома обратился к Кор Гожалы.

– Бахши-ага, – Аллан-бурун запнулся, словно подбирая слова. – В нашем селе, почтеннейший, тоже есть бахши, может вы и

слышали о нем. Так вот – давно мечтает он спеть вместе с вами. Только и говорит всем и каждому, мол, обязательно должен я сыграть на тое вместе с Кор Гожалы. Вот земляки и попросили меня посоветоваться с вами на этот счет. Если вы не возражаете...

– Да кто же станет возражать против этого! – сказал Кор Гожалы, однако в глубине душе родилось беспокойство. «Если в селе есть бахши, способный играть наравне со мной, стоило ли меня звать. Выходит, решили состязание здесь устроить. Интересно, кто это, как зовут этого бахши?»

Словно прочитав его мысли, Аллан-бурун сказал:

– Да слышали вы о нем, наверное. Люди зовут его Хелей-бахши.

– Хелей-бахши? – »Так это к тому же баба!»

– Да, да, Хелей-бахши. Вы удивлены, кажется? А вообще-то ее звать Безмеден.

– Какого она роду-племени? Из эрсари, из иомудов?

– Нет, Хелей-бахши родом из баятов.

– А-а, вот как... – Кор Гожалы знал, что все ждут от него прямого, ясного ответа. Сейчас толпа взвешивает каждое его слово, следит за каждым движением. Он не стал томить присутствующих. – Пожалуйста, пусть поет. Один бахши другому не помешает.

Кор Гожалы закусил губу, низко опустил голову. Соперничать с бабой, видано ли подобное среди туркмен. Да-а, пока человек жив, с чем ему только столкнуться не придется. Конечно, можно и спеть вместе, можно и посостязаться, только обидно, что после этого быстрее степного пожара разнесется слух, мол, Кор Гожалы с бабой перепевки устроил. Да и велика ли честь победить ее? О собственном поражении даже думать не хотелось – это позор. Если станут говорить, что Гожалы-бахши не смог одолеть женщину, – тогда хоть тельпек с себя снимай!

О, Аллах, помоги, убереги нас от позора!

Пришла Хелей-бахши, сопровождаемая целой свитой женщин, медленно склонив голову поприветствовала сидящих на топчане, но сама там не села, а устроилась в стороне, на старенькой кошме, брошенной на землю.

«Неужели эта курица собирается петь вместе со мной? О, Аллах,

что там может уместиться в ее птичьих мозгах. Верно люди говорят: «У женщины нет ума, у осла – красоты». Если она пришла с намерением победить Кор Гожалы – тогда она вдвойне дура. Или в этом селе не знают, кто я и как пою? Да нет, должны знать – я ведь в этих краях не на одном тое пел.»

– Как дела, гелин? Надо было на топчане сесть.

Хелей-бахши поудобней устроилась на своей кошме:

– Нам, женщинам, бахши-ага, не стоит отрывать ног от матушки-земли...

Сидящие рассмеялись. Кор Гожалы слегка покраснел. Вены на висках у него вздулись, в груди заклокотало.

«Она еще и подкалывает!.. Видно, всерьез мечтает меня победить. Эх, Гожалы, Гожалы! Похоже, здесь тебя собираются сделать посмешищем. Узнаешь ли ты себя? Считал себя великим бахши, а сегодня над тобой потешается какая-то баба, что выучила пару песен и едва научилась бренчать. Впрочем, как знать... Может тебе все снится, Гожалы? Да нет, это не сон! Ну, что она еще придумала, эта – Хелей-бахши?

Посмотрим.

Жизнь гораздо на разные шутки.»

Аллан-бурун приблизился к Кор Гожалы, шумно дышал прямо в ухо, намереваясь что-то сказать ему. Но не успел.

– Бахши-ага, будешь убегать? – Хелей-бахши давала понять, что готова к состязанию.

– Мне убегать несподручно, лучше догонять тебя буду. – Гожалы изо всех сил старался не показать своего раздражения. – Ты ведь выразила желание посоперничать со мной.

– Начинай, Безмеден-гелин, – хитро улыбаясь, сказал Аллан-бурун. – Наш договор в силе.

– Лишь бы вы сдержали слово, Аллан-ага.

– Не беспокойся. Я не из тех, кто дает слово, а потом от него отказывается. – Аллан-бурун сидел, пристроив на коленях подушку, довольно потирая руки. Он окинул взглядом присутствующих, ожидая подтверждения своим словам. Люди молчали. Лучше уж промолчать, чем свидетельствовать о том, чего не знаешь. И потом – сейчас не время болтать, надо слушать – бахши настраивают свои дутары.

Тише!

Хелей-бахши не заставила долго ждать – под одобри-тельные восклицания земляков она коснулась шелковых струн своего дутара. Начала играть, низко склонив голову, но постепенно воодушевляясь, через некоторое время распрямилась, открыла лицо. Ее спутницы, те, что пришли вместе с Хелей-бахши, чтобы поддерживать ее во время состязания, сидели с выражением неземного блаженства на лицах, щурясь от удовольствия, они как бы говорили: о, бахши, если ты сейчас не запоешь, нам самим петь придется.

Длинные тонкие пальцы, легко перебирая струны, превра-тили бесхитростный дутар в источник завораживающих звуков. Казалось, что ты слышишь рокот морского прибоя, мерные и все усиливающиеся удары волн о прибрежные скалы. Но гул этот не раздражал, напротив, он обвалакивал тебя, завораживал. Начинало чудиться, что ты плывешь, подхваченный волной, заключившей тебя, как мать своего ребенка, в ласковые и теплые объятия. Музыка уводила далеко-далеко, в какой-то неведомый край, где ждала тебя встреча с любимой.

Люди, что собрались на той Аллана-буруна, пришли именно на это свидание!

Тайное свидание.

Устоять попробуй!

Вот рука любимой!

Где ж твоя рука?!

Женщина запела. Ее бархатный голос зачаровывал.

Раньше Кор Гожалы никогда не предполагал, что женщина способна толком спеть что-нибудь, кроме колыбельной. Оказывается, способна, да еще как! Бахши удивленно слушал песню. Пользуясь тем, что люди, обратившиеся в слух, забыли о нем, он внимательно разглядел Хелей-бахши.

До чего же она красива! Стройная, с тонкими и правильными чертами лица, которое не портили даже едва заметные темные пятна, вроде тех, что бывают у беременных. От этого лица трудно было оторвать взгляд, оно само было прекрасно, как

музыка.

А голос, голос!..

Жаль, что жизнь пролетела!

Однако туркмены тоже иногда ошибаются. Кому пришло в голову женщину, умеющую так красиво петь, назвать столь грубо – Хелей-бахши? Гелин-бахши или Аял-бахши – звучит благозвучно – вот так и надо было назвать ее! А Хелей-бахши – это прозвище мог придумать лишь глухой слепец, который лица Безмеден не видел, голоса ее не слышал. Но нет, небось земляки дали, которые теперь слушают – вздохнуть не смеют. Эх, туркмены, туркмены!

Ладно, послушаем песню!

Хов, бахши, хов!

Безмеден закончила играть, бережно положила дутар на кошму рядом с собой, мельком глянула на Кор Гожалы. Тот словно окаменел: лицо было, как маска, взгляд устремлен в даль, казалось, что он ничего не видит и не слышит.

– Теперь ваша очередь, гость-бахши!

Однако гость понял не только то, что Хелей-бахши сказала вслух, но и то, что говорил ее взгляд. Кор Гожалы взял в руки дутар.

Знакомые струны, знакомые лады... Скоро уже в шестой раз встретит он, Кор Гожалы, Год мыши, и всю жизнь только и занят тем, что извлекает звуки из потемневшего от времени дутара. Порой они заглушают сердечную боль, помогают забыться, и ничто кроме них в этом мире не в силах одарить покоем страдающую душу.

Старый дутар, волшебный дутар! Дутар, умеющий исцелять болезни и прогонять безысходную тоску. И в горе, и в радости жаждут туркмены услышать его. И неспроста говорится: «Если Кор Гожалы поет на Аму, его слышно в Бами». Быстрее птицы, не ведая преград, летит его песня, при звуках ее расцветают цветы и грусть обращается в радость. Чабаны, что чуть не полгода пробыли в песках, возвратясь в село скажут, какие песни пел Кор Гожалы, словно сами были на тое. Только его дутару доступны звуки такой высоты и чистоты, только его голос способен подняться до заоблачной выси. Спасибо тебе, дутар,

спасибо! Правда, поначалу даже дутар не мог угнаться за певцом, когда пел Кор Гожалы свои знаменитые «Балсаят» и «Коне гузер». Еще один, тринадцатый лад потребовался, чтобы они сравнялись.

Отныне тринадцать ладов доступны дутару!

И тринадцатый – самый высокий – зовут его именем: лад Кор Гожалы.

Что ж, слушайте, люди, как будет петь бахши, создавший тринадцатый лад.

И он начал.

Петь, конечно, не просто, но еще трудней приходится тем, кто своими возгласами раззадоривает бахши. Ведь неспроста говорится, что тому, кто рубит дрова, дают пай, а тому, кто его поддерживает – два пая. «Ай, молодец!», «Как поет – прямо сердце тает!», «Чудо, чудо дивное!» – разве перечислишь все слова да присказки, какими вдохновляют они бахши. Но только говорится, что им два пая приходится. На самом деле даже пиалки с чаем не дадут, когда они раньше самого певца сипнут и горло надсаживают. Зато, когда бахши чайком горло споласкивает, толпа терпеливо ждет. Вот и выходит, что бахши даже легче, чем его окружению.

Но вот настает миг, когда люди погружаются в сладкую истому, очарованные музыкой закрывают глаза, начинают раскачиваться в такт мелодии. Вот время просить взаймы! Не то, что деньги, последнюю рубаху отдадут! Уж если что умеют туркмены от души делать, так это – слушать музыку, песней наслаждаться!

Аллах в своей бесконечной милости одним повелел петь, другим – слушать песни. Гожалы был полон благодарности за выпавшую ему судьбу. Что в сравнении с даром, ниспосланным свыше, те дары, которыми осыпают его люди? Впрочем, именно им обязан Кор Гожалы своим теперешним богатством! Туркмены редко бывают чем-либо довольны по-настоящему, но если сумеешь угодить, – вознесут до небес: в каждом доме будет отведено тебе почетное место, каждое твое слово в золото оправят. Взять хотя бы теперешний случай: когда односельчане узнали, что он решил отправиться на той Аллана-буруна, а сев еще не окончен, сами вызвались ему помочь. И вспахали, и посеели. Провожая с

почетом в путь, просили не задерживаться – возвратиться поскорее.

«Спой им, пусть люди хорошенько отдохнут. Чтоб на всю жизнь этот праздник запомнили!..» – так напутствовали его.

«Держись там уверенно. Хоть края чужие, знай, мы всегда с тобой рядом!» – так говорили на прощанье, словно догадывались, что на тое Аллана-буруна случится то, что случилось.

Он запел «Кичи». Нет, сегодня он просто обязан показать на что способен. Сначала надо сделать так, чтобы люди хорошо отдыхали. Увести их в прекрасный мир, где нет ни забот, ни хлопот, и продержаться там до самого утра. Сделать это не трудно. Что тут трудного?! Как не спеть хорошо, если рядом сидит такая прекрасная женщина, у которой к тому же есть желание посостязаться с тобой!..

Когда вновь настал черед Хелей-бахши, она пошла по стопам Кор Гожалы. Неторопливых песен петь не стала. Почти сразу же взяла высоко и сделала это без видимого труда, только слегка подалась вперед. И между песнями не отдыхала долго. Торопливо выпив пиалу остывшего чая, запела «Харайым донди».

Гожалы-бахши не нашел в ее исполнении никаких изъянов. Голос у Безмеден был красивый и сильный, дутаром она владела мастерски. Ну, а об облике ее и говорить не приходится – молодая женщина была очень красива. Каково же было его удивление, когда сидевший рядом с ним Аллан-бурун посмеиваясь произнес:

– Ах, несчастная!.. Зачем же тебе, беременной, так высоко брать? Смотри, не подведи меня!

Кор Гожалы показалось, что он ослышался.

– Беременная?! – переспросил он.

– Да, дорогой гость. Как бы она, состязаясь с вами, прямо здесь от бремени не разрешилась. У мужика, который такую женщину в жены взял, в голове, видно, ветер гуляет.

Бахши чуть дутар из рук не выронил...

Хелей-бахши лишь однажды прежде слышала Кор Гожалы, но этого было достаточно, чтобы она влюбилась в его голос. Его пение покорило Безмеден. С тех пор, когда она брала в руки дутар, перед ее взором тотчас же оживал поющий Гожалы-бахши, ей

казалось, что она слышит его. Это великое счастье, что судьба свела их вместе на этом тое. Не описать ее удивления, когда месяц назад, вернувшись от Кор Гожалы, Аллан-бурун сказал ей, что бахши просит ее петь вместе с ним. Он поздравил Безмеден, пообещал щедро отблагодарить, если она уважит его гостя. Как она радовалась тогда! Но по поведению Гожалы-бахши не скажешь, что это он пригласил ее петь сегодня. Неужели Аллан-бурун обманул?! От него всего ждать можно... Не важно! Как можно было отказаться от предложения, зная, что вновь такой случай вряд ли представится. Жаль только, что ей сейчас трудно петь в полную силу.

Спев несколько песен, Безмеден взглянула на Кор Гожалы: теперь, пожалуй, настал его черед. Но бахши сидел низко склонив голову, отрешенный от всего происходящего вокруг. О, Аллах, что с ним?! Уж не она ли своим пением испортила настроение Кор Гожалы? Ничего, даст Бог, вдохновение снова посетит бахши.

Она спела еще одну песню, но Кор Гожалы, похоже, даже не слышал ее. Он сидел так же неподвижно, как прежде, а его задумчивость стала, пожалуй, еще глубже. Чтобы внимание слушателей не рассеялось, Безмеден пришлось запеть снова. Она не могла сосредоточиться на песне. Самое неприятное – неизвестность.

«Что случилось? Что с Кор Гожалы? Может, его обидели? – Одна догадка сменяла другую. – О-о, если б Аллах дозволил ей взять на себя все горести Гожалы-бахши, она бы даже миг не раздумывала, приняла бы на себя ношу и ойкнула! А может, он ведет себя так нарочно, чтобы изнурить меня?.. Только бы не навредить ребенку! – От одной этой мысли Безмеден ощутила внутри себя боль, которая с каждым мгновением нарастала. – Неужели это Аллах наказывает ее за гордыню, за то, что осмелилась состязаться с самим Кор Гожалы?»

С трудом она допела песню, опустила дутар.

– Теперь ваша очередь, бахши-ага! – В голосе Безмеден звучала обида.

Кор Гожалы взял в руки дутар, но играть начал не сразу.

Некоторое время сидел погруженный в свои думы.

Не раз доводилось ему слышать, что перед смертью люди вспоминают прожитую ими жизнь, хотя так это или не так, никто наверняка сказать конечно не может. Как бы там ни было, сейчас перед мысленным взором Кор Гожалы вновь ожили многие события его долгой жизни. Смерти он не боялся – в любой час готов отчитаться за каждый свой шаг, о другом подумал, в трудном положении ты, Гожалы, оказался.

И голос услышал:

«Гожалы, если пострадает ребенок в утробе этой женщины – его кровь падет на тебя. Ты станешь убийцей, бахши!».

Чей это голос?

Самого Аллаха?

Или твоей совести, бахши!

...Вот, широко раскинув тонкие свои ручонки, бежит навстречу тебе, Гожалы, любимый внук. Во всем белом, точно птичка. И вдруг – споткнулся, упал. Сердце бахши замерло. Нет, снова бежит – отлегло. А навстречу тебе уже идут земляки, односельчане. Говорят негромко, чтобы не услышали посторонние: – Играй! Не уступи Хелей-бахши.

Гожалы резко поднял голову, удивленно посмотрел по сторонам. Все это только почудилось: ни внука рядом, ни земляков. Только чужие люди окружали его, с нетерпением ожидая, когда он наконец начнет петь.

– Что-то, дорогой Гожалы-бахши, пыл ваш угас? – приторно улыбаясь, сказал Аллан-бурун. – Если хотите, поднимем вам настроение. Только скажите – черняшку враз найдем!..

– Гожалы-бахши испугался нашей Безмеден! – выкрикнул кто-то из толпы. – Поник он рядом с нашим цветком! – Несколько человек рассмеялись. Кор Гожалы постарался не слышать этих слов, по крайней мере, сделал вид, что не слышит. Он принял решение: играть до рассвета, не уступая черед Хелей-бахши – на этом тое она больше петь не будет!

Гожали-бахши запел.

Пел, отдавшись музыке без остатка, подчинив ей всего себя.

Спев шесть песен, позволил себе выпить глоток чая. Аллан-бурун воспользовался моментом:

– Гожалы-ага, Хелей-бахши просит позволения спеть пару песен.
– Своего бахши вы можете хоть каждый день слушать. Я долгий путь проделал, чтоб приехать сюда, и потому хочу петь!.. –
Никогда в жизни он не говорил с людьми так грубо, как сейчас.
Но Аллан-бурун настаивал:

– Давайте не будем обижать нашу Хелей-бахши, дорогой Гожалы-ага. Она давно уже мечтала попеть вместе с вами. Не так ли, Безмеден-гелин?

Хелей-бахши никак не могла взять в толк, что происходит с Кор Гожалы, отчего бахши утратил и задор, и вдохновение. Ведь как он пел поначалу! Может, устал, все-таки долгий путь проделал, чтобы приехать сюда? Да, наверное, это усталость! Тогда надо постараться, чтобы люди этого не заметили. Слава Аллаху, боль в животе немного отпустила – можно попеть.

Женщины для того и созданы, чтобы в трудный час поддерживать мужчин!

Безмеден потуже затянула пояс.

У Кор Гожалы в глазах потемнело. «О, Аллах, что она делает?! Эта женщина погубит свое дитя. Неужели, люди, вы не видите, что происходит? Найдите же выход!..»

Вообще-то, говорят, что глаза даны людям не только для того, чтобы видеть явное, но еще и для того, чтобы один человек мог понять, что творится в душе у другого. Увы, чаще всего это остается незамеченным. Музыка уже завладела людьми без остатка, обо всем на свете забыть их заставила, но неужели, думал Гожалы-бахши, не найдется в этой толпе человека, который бы сказал Безмеден: «Хватит, остановись, не губи себя!»?

Кор Гожалы вновь почудилось, что его окружили земляки – стоят понурые, головами качают, кусают губы. Руки к нему тянут, словно хотят спасти, вывести из той ловушки, в которую заманил их любимца Аллан-бурун. Напрасно они руки протягивают: так можно утопающего спасти, а не того, кто погружается в пучину отчаяния. Какая-то сверхъестественная сила сковала Кор Гожалы, он даже рукой шевельнуть не мог. Только мысли в голове неслись быстрее аргамаков!

«Торопись, Гожалы, торопись! Ищи выход. Потом поздно будет

себя казнить... О-о, неужели не осталось мне ничего другого, как только бежать отсюда с позором?!. Сколько бессонных ночей проведено, чтобы постичь тайны дутара!.. Сколько сил и душевного огня отдал, чтобы достичь той высоты, которую занимает ныне среди туркмен!.. Пожертвовать всем этим трудней, чем жизнь отдать. Честью своей пожертвовать! Да после этого он на себя и тельпек надеть не посмеет... На весь род, на село, на всех земляков ляжет тень позора, от которой ввек не отбелиться. О-о, горе тебе, Гожалы!..»

Между тем люди уже начали перешептываться.

– Говорил я тебе, что никто не может сравниться с нашей Хелей-бахши!

– Ты говорил... Да я сразу знал, что он и мизинца ее не стоит!.. Эх, туркмен, туркмен! Не понимаю я тебя. Двух своих любимых бахши принуждаешь ты соперничать. Бахши, которого вчера превозносил до небес, сегодня хочешь опозорить, сравнить с другим. Разве нельзя разделить свою любовь между ними; каждым человеком гордиться, успехам всякого радоваться?!.

Хелей-бахши пела вдохновенно. Голос ее взлетал высоко и, казалось, нет ему предела. И люди, подчинив свои сердца великой власти певца, отрешились от всего земного. О-о, как славили они Хелей-бахши!..

«Гелин, ты ведь погубишь своего ребенка», – беззвучно шептали губы Кор Гожалы. Будь он в своем селе, среди земляков, Кор Гожалы, не раздумывая ни мгновения сказал бы это в полный голос, но здесь, среди чужих, сказать подобное чужой женщине, чужой жене – он не посмел.

Хелей-бахши мельком глянула на гостя и начала новую песню. Когда она выкрикнула: «О, моя горькая судьба!», Кор Гожалы совсем отчаялся. Нет, нельзя допустить, чтобы с Хелей-бахши случилось несчастье! Ни за что!

О, Аллах!

Окинув рассеянным взглядом очарованную музыкой толпу, Кор Гожалы вдруг, точно кто-то подтолкнул его, вскочил со своего места и, на ходу запихивая свой дутар в ковровый чехол, решительно направился туда, где ждал своего хозяина гнедой жеребец. Сел в седло, пришпорил коня. Налегке возвращался он в

родные края. И честь мужскую, и славу свою, заслуженную тяжким трудом многих лет, оставил в чужом селе.

Тяжело!

Очень тяжело! Но что делать?.. Бог с ней, со славою! Лишь бы совесть осталась чистой! Разве легче будет, если станут говорить, что Кор Гожалы погубил женщину.

Ах, откуда было знать Кор Гожалы, что именно так и будут говорить долгие годы...

Песня оборвалась внезапно, на полуслове.

– Эй, люди, а где Гожалы-бахши?!

– Вон... Удирает!

– Испугался тебя, Хелей-бахши! Ха-ха-ха!

От славы великого музыканта в один миг ничего не осталось. Обратилась слава в издевку, и помчалась та вслед за Кор Гожалы. Быстро догнала!..

Люди смеялись.

Аллан-бурун положил перед Хелей-бахши два узелка с подарками. Он был доволен: его той запомнят надолго, далеко разнесется весть о нем...

– Вот подарки, Безмеден-гелин. Я верил, что ты победишь, а Гожалы-бахши придется познать горечь поражения. Только знай, и моя доля есть в твоей победе.

– Одного я не пойму, Аллан-ага... Почему Гожалы-бахши уехал так неожиданно, никому ничего не сказав.

– Уехал потому, что признал свое поражение.

– А больше ничего не случилось?.. Я видела, как вы что-то сказали ему, и Гожалы-бахши побледнел.

– Я же сказал тебе, что и моя доля есть в твоей победе.

Безмеден хотела еще что-то спросить, но внезапно ее пронзила резкая боль. Не в силах терпеть ее, она выронила из рук дутар... Детский плач огласил округу, заставил всех вздрогнуть.

Мальчик, которому нынче сделали обрезание, выбежал из белой юрты и горько плакал, глядя в ту сторону, куда ускакал Кор Гожалы.

– Почему плачешь, сынок? Больно? – Жена Аллана-буруна, взяв сына на руки, унесла его в дом.

Хорошо мальчишкам: если больно – могут поплакать. Если их обидят – тоже. Поплачут и сразу станет легче, а ведь знают, что мужчины не должны плакать.

1990 г.

Осман ОДЕ. Некаýalar